

СЛАВЯНЕ НА ДУНАЕ. ОБРЕТЕНИЕ РОДИНЫ

Ad memoriam Л. Нидерле

Пражская культура в Чехии, Моравии и Словакии — славяне и их контакты

Первые славяне и их соседи в Потисье и рядом

Модель славянской экспансии в Восточных Альпах

О славянизации Северной Далмации и Иллирии

Раннеславянские памятники в Сербском Подунавье и на Северо-Востоке Балкан

Разные славяне Псевдо-Маврикия

Вооружение и конское снаряжение у славян

По следам прошлых дискуссий

Ответственные редакторы: Роман А. Рабинович

Игорь О. Гавритухин

E-ISSN: 1857-3533

Stratum plus. No. 5.
Archaeology and Cultural Anthropology

The Slavs on the Danube. Homeland Found

Ad memoriam L. Niederle
Prague Culture in Czechia, Moravia and Slovakia — the Slavs and their contacts
The first Slavs and their neighbors in Tisza Region and in the neighborhood
A model of Slavic expansion in the Eastern Alps
On Slavisation of Northern Dalmatia and Illyria
Early Slavic sites in Serbian Danube region and in the North-Eastern Balkans
Different Slavs of Pseudo-Maurice
Slavic Ammunition and Horse Harness
Follow-up to earlier discussions

Editors-in-Charge — Roman A. Rabinovich,
Igor O. Gavritukhin

Saint Petersburg. Kishinev. Odessa. Bucharest.
2015

Stratum plus. Nr. 5.
Arheologie și antropologie culturală

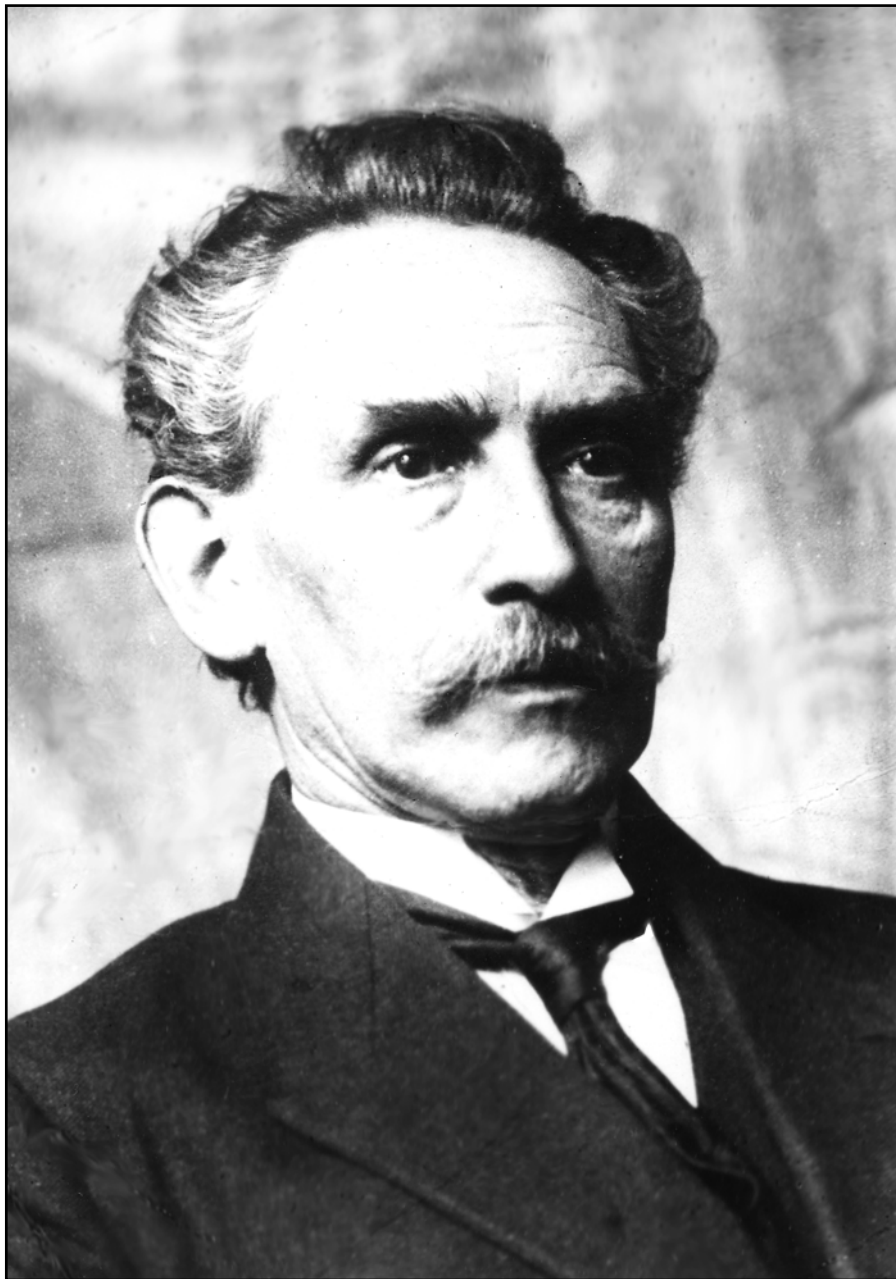
Slavii de pe Dunăre. Descoperirea patriei

Ad memoriam L. Niederle
Cultura Praga în Cehia, Moravia și Slovacia — slavii și contactele lor
Primii slavi și vecinii lor pe Tisa și în apropiere
Modelul expansiunii slave în Alpii de Est
Despre slavizarea Dalmației de Nord și a Iliriei
Monumente slave timpurii în Serbia Dunăreană și în nord – estul
Balcanilor
Slavii diferiți ai lui Pseudo-Mauricius
Armament și piese de harnașament la slavi
Pe urmele vechilor discuții

Redactorii responsabili — Roman A. Rabinovich,
Igor O. Gavritukhin

Sankt Petersburg. Chișinău. Odesa. București.
2015

Посвящается 150-летию со дня рождения
Любора Нидерле

Volume dedicated to Lubor Niederle's 150th Birthday
Se dedică aniversării a 150-a de la nașterea lui Lubor Niederle

Фотография Любора Нидерле любезно предоставлена Институтом археологии Академии наук Чешской Республики в Праге

СОДЕРЖАНИЕ

AD MEMORIAM

- И. О. Гавритухин (Москва, Россия). Дунайский «страт» раннеславянской археологии. От редакторов этого номера 17**
- Д. Елинкова (Брно, Чехия), И. О. Гавритухин (Москва, Россия). Любор Нидерле (1865—1944) 27**
- В. Я. Петрухин (Москва, Россия). Любор Нидерле и начало славян. . . 35**

«... СЪЛИ СУТЬ СЛОВЪНЕ ПО ДУНАЕВИ ...»

- М. М. Казанский (Париж, Франция). Вооружение и конское снаряжение славян V—VII вв. 43**
- Н. Профантова (Прага, Чехия). Славяне на территории Чехии и их контакты в VI—VII вв.. . . . 97**
- Д. Елинкова (Брно, Чехия). К изучению культуры с керамикой пражского типа на территории Моравии: формирование и особенности. 117**
- Г. Фусек (Нитра, Словакия). Древнее славянское население на территории Словакии 151**
- И. Станчу (Клуж-Напока, Румыния). Ранние славяне в румынской части Карпатского бассейна. 163**
- П. В. Шувалов (Санкт-Петербург, Россия). Разные славяне в «Стратегиконе» Псевдо-Маврикия 217**

«... ДА И ЗА ДУНАЙ, ЗА ДУНАЙ ...»

А. ПлETERский (Любляна, Словения). Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях	227
Дж. Янкович (Белград, Сербия). О славянизации Северной Иллирии и Далмации.	249
Д. Радичевич (Белград, Сербия). К изучению раннеславянских памятников Сербского Подунавья (вопросы хронологии и этнокультурной принадлежности)	285
Н. Хрисимов (Велико Тырново, Болгария). Раннеславянские памятники в северо-восточной части Балканского полуострова.	309

ПО СЛЕДАМ ПРОШЛЫХ ДИСКУССИЙ

Л. С. Клейн (Санкт-Петербург, Россия). Ленинградский неонорманизм — в самом деле?	345
О. Л. Губарев (Санкт-Петербург, Россия). «Неонорманизм» или неоантинорманизм?	351
Список сокращений	357
Авторам <i>Stratum plus</i>	359

CONTENTS

AD MEMORIAM

I. O. Gavritukhin (*Moscow, Russian Federation*). **The Danube “Stratum” of the Early Slavic Archaeology. A Word from the Editors.** 17

D. Jelínková (*Brno, Czech Republic*), **I. O. Gavritukhin** (*Moscow, Russia*).
Lubor Niederle (1865—1944) 27

V. Ya. Petrukhin (*Moscow, Russian Federation*). **Lubor Niederle and the Beginning of the Slavs** 35

“... AND THE SLAVS SETTLED ON THE DANUBE ...”

M. M. Kazanski (*Paris, France*). **Slavic Weapons and Harness of the 5th—7th Centuries** 43

N. Profantová (*Prague, Czech Republic*). **Slavs on the Territory of Czechia and their Contacts in 6th—7th Centuries** 97

D. Jelínková (*Brno, Czech Republic*). **On the problem of Prague-Type Pottery Culture in Moravia: the origins and specifics** 117

G. Fusek (*Nitra, Slovakia*). **Earliest Slavic Population on the Territory of Slovakia** 151

I. Stanciu (*Cluj-Napoca, Romania*). **The Earliest Slavs in the Intra-Carpathian Region of Romania.** 163

P. V. Shuvalov (*Saint Petersburg, Russian Federation*). **Diverse Slavs in Pseudo-Maurice’s Strategikon.** 217

“... ALL THE WAY ACROSS THE DANUBE ...”

A. Pleterski (<i>Ljubljana, Slovenia</i>). The Early Slavs in the Eastern Alps and Their Periphery	227
Đ. Janković (<i>Belgrade, Serbia</i>). On Slavisation of Northern Illyria and Dalmatia.	249
D. Radičević (<i>Belgrade, Serbia</i>). Towards the Study of the Early Slavic Sites of the Serbian Danube Region (Questions of Chronology and Ethnocultural Belonging)	285
N. Hrisimov (<i>Veliko Tarnovo, Bulgaria</i>). Early Slavic Sites in the North-Eastern Part of the Balkan Peninsula	309

FOLLOW-UP ON EARLIER DISCUSSIONS

L. S. Klejn (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). Leningrad Neonormanism Indeed?	345
O. L. Gubarev (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>). “Neo-Normanism” or Neo-Antinormanism?.	351
Abbreviations	357
Submissions	359

Л. С. Клейн

Ленинградский неонорманизм — в самом деле?

Keywords: Normanism, Neo-Normanism, Anti-Normanism, Rus, Varangians, Rurik, Norman discussion.

Cuvinte cheie: normandism, neonormandism, antinormandism, Rusi, varegi, Rurik, problema normandă.

Ключевые слова: норманизм, неонорманизм, антинорманизм, Русь, варяги, Рюрик, норманнская дискуссия.

L. S. Klejn

Leningrad Neonormanism Indeed?

In one of *Stratum plus* volumes, S.V. Tomsinsky published his ideas about my and my colleagues' discussion against Anti-Normanism, and namely that it was manifestation of a new version of Normanism — Leningrad Neo-Normanism. Tomsinsky's definition of Normanism is close to ideas of Anti-Normanists, which he, in turn, qualifies as a deadlock. His understanding of the program of our seminar and the whole school behind it, are groundless and wrong, for there is no subject of analysis as such: Normanism as a research matter does not exist.

L. S. Klejn

Neonormandismul leningrădean — într-adevăr?

În revista „Stratum plus” S.V. Tomsinsky își exprimă ideile potrivit cărora, discursul meu și al adepților ideii mele împotriva antinormandismului a fost o manifestare a normandismului dar într-o nouă formă — neonormandismul leningrădean. Această definiție a normandismului dată de Tomsinsky este apropiată de cea a antinormandismului pe care el însuși o numește drept „punct mort”. Ideile sale despre programul atelierului nostru și toate direcțiile din spatele lui, sunt nefondate și neadevărate. Nu există însuși obiectul analizei această — nu există normandism științific.

Л. С. Клейн

Ленинградский неонорманизм — в самом деле?

В журнале «Stratum plus» С.В. Томсинский поместил свои соображения о том, что выступление мое и моих единомышленников против антинорманизма было проявлением норманизма, только в новой модификации — ленинградского неонорманизма. Данное Томсинским определение норманизма близко к воззрениям антинорманистов, которые сам же он называет тупиковыми. Его представления о программе нашего семинара и всего направления, стоящего за ним, бездоказательны и неверны. Самого предмета для его анализа нет — нет научного норманизма.

1. Экспозиция. Журнал «Stratum plus» предпринял в 2013—2014 годах интересную затею: поместил выступления двух профессиональных археологов, вступивших за антинорманизм. Один, А.А. Романчук (2013), это сделал открыто, другой, С.В. Томсинский (2014), признает современную антинорманистскую гипотезу (западно-славянскую) тупиком, но, тем не менее, выступает с критикой «норманизма», а признание наличия норманизма — *conditio sine qua non* антинорманизма. На выступление первого критика я уже ответил (Клейн 2014), выступление второго рассмотрим здесь.

С первого взгляда это выглядит как серьезный и вдумчивый анализ определенного направления в археологии и исторической на-

уке России, и я представлен лидером этого направления, в мой адрес высказаны всякие лестные характеристики. Так что вроде бы могу быть доволен. Но это направление ограничено исключительно Ленинградом, хотя на деле к нему примыкали убежденные одинаково историки и филологи Москвы — ученики В.Т. Пашуто, да и ученики Д.А. Авдусина, археологи, практически перешли на наши позиции. Ничего оригинального мы, по мнению С.В. Томсинского, не внесли, только старались подтвердить позицию Миллера в споре с Ломоносовым. Хотя, если всё сводить к стержневым идеям, никто из «норманистов» не оригинален, да и антинорманисты всех веков ничего нового не сказали. И вообще, по Томсинскому, всё было уже у наших

учителей. Да мы ничего серьезного и не достигли. Но главное: С.В. Томсинский определяет наши взгляды как неонорманизм, хотя мы сами себя никогда норманистами не считали, и вообще деление ученых на норманистов и антинорманистов считаем характерным только для антинорманистов.

Я знаю С.В. Томсинского давно — как способного студента (ныне кандидата наук), и мне интересно, как он мотивирует свою нынешнюю позицию. Он знает наш семинар с близкого расстояния, захаживал на заседания, даже, помнится, делал доклад.

2. Предмет обсуждения. Где же С.В. Томсинский увидел неонорманизм? Тут важнейшим является исходный пункт — что такое норманизм, по Томсинскому?

«Под норманизмом мы понимаем утверждение скандинавского происхождения не только династии Рюриковичей, но и древнерусской государственности как таковой. Норманизм есть сугубо российский феномен...» (Томсинский 2014: 358). Не сказано, требуется ли непременно скандинавское происхождение государственности или достаточно только династии, не сказано и как быть с варягами вообще. Но пренебрежем этими неясностями.

Таким образом, в определении норманизма Томсинский гораздо ближе к кучке современных антинорманистов, чем к традиционным для российской науки воззрениям. Династию Рюриковичей, как и варягов летописи, традиционная российская историческая наука считала скандинавскими по происхождению. Происхождение древнерусской государственности действительно определяли по-разному, но никто из «неонорманистов» Томсинского не выводил ее из Скандинавии, говорили лишь о более или менее значительном участии норманнов в этом процессе. С.В. Томсинский не сможет привести ни одной цитаты в подтверждение своего толкования-толкания, толкающего нас в норманизм.

В той ссылке на мой «Спор о варягах» (Клейн 2009), которым С.В. Томсинский подтверждает мою приверженность норманизму, он приписывает мне тезис о «введении» государственности варягами. На странице 121, на которую он ссылается, действительно под 4 пунктом норманнской теории сказано, что варяги «ввели государственность». С.В. Томсинский не заметил только одного — что там перелагается «норманнская теория», которой я не придерживаюсь ни вообще, ни в этой книге. Излагается критически как «лестница в преисподнюю норманизма».

«Иными словами — пишу я на стр. 122, — верно ли, что всякий, кто сделал шаг-два по этой лестнице, неминуемо скатится вниз? Если верно, тогда то одиозное, что мы обозначаем термином “норманизм”, начинается с самого верха, с самого первого шага.

Но верно ли?»

И я отвечаю, что неверно. Каждая следующая позиция не вытекает с непреложностью из предыдущей. То есть, ссылка С.В. Томсинского — подвох. И подвох — вся концепция определения норманизма как течения, выводящего русскую государственность из Скандинавии. Нет такого течения. Есть назойливое и искусственное формирование этого течения антинорманистами как жупела, которым можно пугать ученых и власти, оправдывать запреты на исследование фактов, на критику их (антинорманистов) беспочвенных фантазий.

Томсинский подтверждает свое толкование экспедиционным фольклором — «Гимном оголтелого норманизма», который сочинил участник семинара студент В.П. Петренко, после того, как я был арестован в 80-е годы. В ней поется о событиях «в покинутом Клейном краю». С.В. Томсинский называет эту саркастическую песенку «поэтическим манифестом направления» и говорит, что «нет никаких оснований усматривать в этом названии иронию» (Томсинский 2014: 361). Именование норманизма «оголтелым» тоже не ирония? Ну, полноте. Конечно, это был студенческий эпатаж, целиком построенный на иронии, и Томсинский не может привести ничего в поддержку своего мнения, что это воспринималось кем-либо, кроме антинорманистов, всерьез.

3. Якобы программа и якобы теория.

Программу нашего семинара и всего направления С.В. Томсинский выдает как следующее:

«По сути, было декларировано: мы можем доказать — и мы докажем, поскольку археологический материал все прибывает и прибывает! — что норманны действительно основали Древнерусское государство, но это не будет “норманизм”, а будет не противоречащий марксизму доказанный факт. Расизм вне марксистской концепции, вне науки. А относительно превосходства или не превосходства — выводы делайте сами. Но — научные выводы! Все дальнейшее развитие ленинградского неонорманизма в советский период станет реализацией этой программы» (Томсинский 2014: 361—362).

Позволительно спросить: это где же она декларирована? В «Гимне оголтелого норма-

низма»? Когда я писал о том, что «норманизма» как «норманнской теории» нет, я имел в виду не только отсутствие тезиса о «введении государственности» из Скандинавии, но и то, что нет такой теории как теории. Идет спор не о теоретических положениях, а о конкретных фактах: варяги — из Скандинавии или нет? Из Швеции или Дании? Какой процент их был на таких-то территориях? Какова их роль в исторических событиях на этих территориях? И т.д.

Я уж не говорю о том, что само по себе происхождение Древнерусского государства от норманнов, в случае доказанности, не повлекло бы за собой никаких исторических выводов и осталось бы всего лишь историческим фактом. Только построение соответствующей теории о невозможности самостоятельной государственности у славян можно было бы расценивать как внесение политики в науку и выпад в современной политике.

4. Россия и Запад. Далее, для меня новостью является утверждение, что норманизм — специфически русский феномен. До сих пор антинорманисты всячески доказывали, что норманизм — это тлетворное влияние Запада, что его нам подсунали немцы-академики, а до того шведы, и вот на тебе, его нет нигде в мире. А ведь норманны захватили в свое время пол-Англии и часть Франции, а нормандская династия утвердилась в Англии. И французы, и англичане признают это — это ли не норманизм? Куда смотрят английские и французские антинорманисты?

Наконец, если провозглашается существование неонорманизма, то позволительно справиться, чем он отличается от просто норманизма, с которым антинорманисты боролись ранее? Я понимаю, что уж на этот-то вопрос С.В. Томсинский найдет что ответить — какие-нибудь отличия появятся. Но факт, что этот вопрос его не занимал при подготовке его декларативного выступления, потому что для него это было совсем не важно. Он обвиняет меня и моих сторонников именно в норманизме как скверной теории, ответвлении злой концепции, признающей Русь частью Европы, тогда как Русь, по Томсинскому, не Европа. Он не в восторге от «постсоветской России, подлинно оголтело устремившейся “в Европу”, или, по крайней мере, “к Европе”...» (Томсинский 2014: 362). Он за особый путь России. А мы — нет.

Вот тут С.В. Томсинский прав, хоть это вообще-то взгляды, далекие от конкретных археологических проблем. И я, и мои сторонники за европейский путь развития России как путь прогресса. У каждой страны свой

особый вариант этого пути — у Англии свой, у Японии свой, у Кореи свой, у России — свой. Но «свой путь», противостоящий европейскому, — это путь в средневековье, в азиатчину, в отставание и гибель. Не буду на этом останавливаться: это всё-таки не по теме.

5. Остальное. С.В. Томсинский анализирует: 1) предпосылки и причины возникновения «ленинградского неонорманизма»; 2) задачи, которые «ставили перед собой представители этого направления»; 3) «механизм построения реконструкций исторической действительности», применяемый им; 4) итоги его развития. Что толку следовать за ним в рассуждениях на эти темы, если не существует сам предмет для его анализа?

6. Методика. Но третий из перечисленных им вопросов осветить придется, потому что это и вне зависимости от сформированного им течения имеет значение. Приведу данное Томсинским полное описание и оценку нашей методики. Он пишет, что я еще во время дискуссии 1965 г. предложил весьма оригинальную методику подсчетов (поправлю: книга моя написана в 1960 г., а подробная реализация методики — в 1970 г.). И далее он аккуратно цитирует меня: «поскольку письменные источники знают о проживании на этой территории не одних только славян, этническую принадлежность курганов позволительно определять только по достоверным признакам: курган с безусловно скандинавскими признаками — варяжский, с безусловно славянскими — славянский, а без четких признаков — неизвестно чей, и в расчет этнического состава населения приниматься не должен» (Клейн 2009: 112).

Мой критик называет это «лукавой математикой», а историков, на которых она обрушилась, «несчастными». Он мог бы добавить, что мой оппонент Д.А. Авдусин предложил тогда противоположную методику: считать всех неопределенных индивидов, обнаруженных на «нашей» земле, славянами. Это, конечно, сильно увеличивало процент славян по сравнению с варягами и финно-уграми за счет «беспаспортных» незнакомцев, и историки счастливы? Вот против этой необъективной методики и были разработаны наши критерии.

А С.В. Томсинский выдвигает возражения против них. Присмотримся к возражениям:

«Между тем совершенно очевидно, что предложенная методика подсчетов ведет к грубым искажениям представлений об исторической действительности. “Не определимых” погребений не только в Гнездове, но и во многих синхронных могильниках большинство.

И в этих курганах погребены люди, этническую принадлежность которых археологи определить не могут, ибо не могут подвергнуть погребенных допросу — а иных достоверных данных у археологов нет. Археологи могут только составить представление о статистике “этнически определимых погребений”» (Томсинский 2014: 363).

Всё. Так в чем же возражения? Чем отсеивание неопределимых погребений нарушает «историческую действительность»? Помоему, историческую действительность нарушает желание *сохранить* неопределимые погребения и приписать их той или иной стороне.

Томсинский (2014: 363) излагает далее дело так, как будто я отказался от этой методики.

«Позднее, в 1973 г., Л. С. Клейн предложил иную методику подсчетов, ибо проблема “неопределенных погребений” курганных могильников оставалась по-прежнему острой.

Теперь предполагалось “разбить весь могильник на четко очерченные группы, а затем рассмотреть распределение этнических показателей по всем группам. При таком подходе возможна этническая атрибуция целых групп, включая и те погребения, которые в отдельности не имеют четких этнических показателей” (Клейн 2009: 181)».

Критик не заметил, что эта новая методика дополнила ту старую, а не пришла ей на смену. Эта новая методика частично покрыла и те погребения, которые оставались неопределимыми этнически при старой нашей методике. В чем тут возражения? В чем эта методика нарушает «историческую действительность»?

7. Противостояние и результаты. Надо было бы осветить и тот скепсис, с которым критик излагает условия существования нашего семинара и его результаты. Особенно «баталию» 1965 года. «В изложении Л. С. Клейна эта самая “дискуссия” предстает некоей эпической фантазмагорией: “дискуссия” была устроена коварными историками-“идеологами” и партбюро истфака с санкции обкома КПСС (!) для ликвидации некоего очага единомыслия — семинара во главе с Л. С. Клейном» (Томсинский 2014: 359).

Ну, сразу исправим явную ошибку: не «единомыслия», а «инакомыслия». А скепсис неуместен. О санкциях обкома мне сообщил перед дискуссией декан В. В. Мавродин. Через несколько лет участник семинара Г. С. Лебедев стал секретарем факультетского комсомола, а его друг историк А. Я. Дегтярев — секретарем Обкома, другой участник семинара И. В. Дубов — секретарем Большого парт-

кома Университета. Это их личные успехи, семинар тут не при чем. Но я имел хорошую возможность проверить недавнюю историю подавления нашего очага.

Результаты варяжской баталии 1965 г. С. В. Томсинский (Томсинский 2014: 359) оценивает очень сурово: «итог шумной баталии оказывается весьма скромным: семинар студентов-единомышленников во главе с Л. С. Клейном продолжал работать» (Клейн 2009: 141). А какой результат он хотел увидеть? Разве Томсинский не знает, что означало в тех условиях оставление в покое и согласие на продолжение работы? Когда был готов разгон семинара и увольнение руководителя, а возможно, и отчисление студентов. В лучшем случае. В те же самые годы в Московском университете был отчислен за курсовую работу о норманнском вопросе, не укладывавшуюся в рамки антинорманизма, студент А. А. Амальрик, ставший известным диссидентом и сидельцем после этого.

После дискуссии и моей совместной с учениками публикации сводки норманнских древностей Киевской Руси (Клейн и др. 1970) появилось в головном советском историческом журнале «Вопросы истории» замечание замредактора А. Г. Кузьмина, ведущего тогда антинорманиста, о «современном научном норманизме»: «Для многих зарубежных, да и советских ученых это — добросовестное научное убеждение... Ленинградские археологи Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко ни в коем случае не отходят от марксизма, признавая преобладание норманнов в господствующей прослойке на Руси» (Кузьмин 1971: 187). А еще через несколько лет Кузьмин пошел еще дальше: Он признал: «Сложившиеся представления о соотношении автохтонного и привнесенного начала в последнее время серьезно пошатнулись. В археологической литературе все более широкое обоснование получает тезис, что удельный вес норманнов-варягов был намного значительней, чем это предполагалось некоторое время назад» (Кузьмин 1974: 55).

Таким образом, мы отвоевали тогда не только для себя, но и для всех историков возможность еще некоторое время объективно, невзирая на результаты, заниматься изучением материалов древней Руси.

8. Предпосылки. В статье С. В. Томсинского есть и еще одно место, вызывающее у меня ощущение несправедливости. Томсинский (2014: 359) противопоставляет моему рассказу о баталии 1965 г. впечатление Г. С. Лебедева: «Однако обращение к другим источникам представляет все проис-

ходящее несколько иначе. Г.С. Лебедев, вспоминая в 1999 г. события 1965 г., коротко заметил: “М.И. Артамонов и В.В. Мавродин курировали и вели эту дискуссию, а потому она не завершилась разгромом новых советских ‘норманистов’” (Лебедев 1999: 103)». Это всего лишь позднее впечатление Лебедева, не вполне отвечавшее истине. Для вытесненного с факультета Г.С. Лебедева рубеж 1990-х и 2000-х был трудным временем, и он очень надеялся на свое укрытие под ореолом давно умерших Мавродина и Артамонова, который реконструировал для себя как их последователя. На деле дискуссию в качестве председательствующего вел только М.И. Артамонов, вел очень сдержанно, не вмешиваясь в ход дискуссии. В.В. Мавродин заранее предупредил меня: я буду в стороне. Защищайтесь сами. Его понять можно. Он чудом вернулся из ссылки по ленинградскому делу, в котором все основные участники погибли.

Когда С.В. Томсинский открывает предсмертную статью М.И. Артамонова 1972 г., опубликованную через почти два десятка лет, как источник наших идей и доказа-

тельств, он сильно смещает все акценты. На деле дискуссия проходила в 1965 году, когда М.И. Артамонов, только что (1964) снятый с поста директора Эрмитажа, еще не вполне вошел в свои прежние исследования. С этого времени он всё больше учитывал и включал в свою работу результаты своих учеников, особенно на кафедре. Так что совпадения взглядов могут зависеть не только от того, что ученики в 1960—1965 гг. повторяли более ранние идеи своего профессора, но и (гораздо больше) от того, что профессор аккумулировал в своей статье 1972 года взгляды и результаты своих учеников, развивавшиеся с 1960 г. по начало 1970-х и дальше.

9. Итог. В статье С.В. Томсинского есть и места, не вызывающие острых возражений (интересный анализ соотношений взглядов поколения наших учителей с нашими, рассуждения о роли интеллигенции и др.), но пафос статьи не в них. Пафос статьи — в удержании опоры для антинорманизма, несмотря на отвержение активной ныне антинорманистской концепции. Исходя из общих убеждений. Вот на этот пафос мои возражения и направлены.

Литература

- Клейн Л.С. 2009. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон* Санкт-Петербург: Евразия.
- Клейн Л.С. 2014. Еще один сказ о лехитских варягах. Продолжение спора. *Stratum plus* (5), 335—344.
- Клейн и др. 1970: Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. 1970. Норманские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. В: Носов Н.Е., Шаскольский И.П. (ред.). *Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв.* Ленинград: Наука, 226—252.
- Кузьмин А.Г. 1971. Болгарский ученый о советской историографии начала Руси. *ВИ* (2), 186—188.
- Кузьмин А.Г. 1974. Об этнической природе варягов (К постановке проблемы). *ВИ* (11), 54—83.
- Романчук А.А. 2013. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* (5), 283—302.
- Томсинский С.В. 2014. Ленинградский неонорманизм: истоки и итоги. *Stratum plus* (5), 357—370.

References

- Klejn, L.S. 2009. *Spor o variagakh. Istoriia protivostoianii i argumenty storon* (The Varangian Dispute. History of Confrontation and Arguments of Opponents). Saint Petersburg: “Eurasia” Publ. (in Russian).
- Klejn, L.S. 2014. One More Tale on Lekhite Varangians. Discussion Continued. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 335—344 (in Russian).
- Klejn, L. S., Lebedev, G. S., Nazarenko, V. A. 1970. In *Istoricheskie svyazi Skandinavii i Rossii IX—XX vv.* (Historical Links Between Scandinavia and Russia in 9th—20th Centuries). Leningrad: “Nauka” Publ., 226—252 (in Russian).
- Kuz’min, A. G. 1971. In *Voprosy istorii* (Questions of History) (2), 186—188 (in Russian).
- Kuz’min, A. G. 1974. In *Voprosy istorii* (Questions of History) (11), 54—83 (in Russian).
- Romanchuk, A. A. 2013. Varangian-Rus’ Issue in Modern Debate: a Look from the Outside. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 283—302 (in Russian).
- Tomsinsky, S. V. 2014. Neo-Normanism in Leningrad: Origins and Results. *Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology* (5), 357—370 (in Russian).

Статья поступила в номер 30 июня 2015 г.

Leo S. Klejn (Saint Petersburg, Russian Federation). Doctor of Historical Sciences, Professor.

Leo S. Klejn (Sankt Petersburg, Rusia). Doctor în științe istorice, profesor universitar.

Клейн Лев Самуилович (Санкт-Петербург, Россия). Доктор исторических наук, профессор.

E-mail: lsklejn@gmail.com